

- лол. наук. – М., 2000. – 42 с.
9. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
 10. Мишланова С.Л. Термин в медицинском дискурсе (образование, функционирование, развитие): Автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – М., 2003. – 39 с.
 11. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 512 с.
 12. Сорокина Э.А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2007. – 45 с.
 13. Тарасевич Т.М. Особенности функционирования экономической терминологии в современном рекламном дискурсе: Дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2007. – 260 с.
 14. Black J. Oxford Dictionary of Economics. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 512 p.

J. Kalugina

CONCEPTUAL SPHERE “ECONOMY” IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES

Abstract. This article considers the distinctive features of conceptual sphere “ECONOMY” and the means of its realization in the English and Russian languages.

Key words: conceptual sphere, concept, economy, metaphor, euphemism.

УДК 811.133.1

Лиходкина И.А.

**ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ФРАНЦУЗСКИХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С РАЗГОВОРНОЙ/СНИЖЕННОЙ
ЛЕКСИКОЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.Ф. СЕЛИНА
«ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОЧИ»)***

Аннотация. Статья посвящена особенностям перевода на русский язык французской разговорной/сниженной лексики на примере романа Л.Ф. Селина «Путешествие на край ночи». В статье приведен подробный сравнительный анализ текстов оригинала и перевода, выявлены трудности, связанные с асимметрией французских и русских синтаксических конструкций и проблема подбора лексического эквивалента.

Ключевые слова: разговорная лексика, просторечие, перевод, эквивалентность, асимметрия.

Роман Ф.Л. Селина «Путешествие на край ночи», вызвавший скандал в момент своего появления во Франции в 1932 году, способен шокировать и сегодняшнего читателя, осуществив разрыв с прошлым, который проявляется прежде всего в языке. Он отменил табу, тяготевшее во Франции более трех веков над народным языком, не допускавшимся в литературу. Селин нашел способ передать письменно логику и движение устной речи, прежде всего, в порядке слов, строении фразы, которые не совпадают в устной и письменной речи. Ход мысли, форма ее выражения зависят от той ситуации, когда она оформ-

ляется в слова, от личных реакций говорящего. Автор добивается основательно продуманной организации речи, используя репризу, т.е. вводя в предложение местоимение, которое дублирует тут же стоящее существительное, и вынося вперед, на самое значимое место, слово, наиболее важное для говорящего — по содержанию и эмоциональному воздействию. Благодаря этому текст воспринимается как живая устная речь. В такой системе просторечные слова и обороты получают полноценное звучание. Например: «Lui, notre colonel, savait peut-être pourquoi ces deux gens-là tiraient, les Allemands aussi peut-être qu'ils savaient, mais moi, vraiment, je savais pas» [9, 12]. / «Наш полковник, может, и знал, почему эти двое палят; немцы, пожалуй, тоже знали, а я, ей-богу, нет» [5, 18].

Одной книгой Селин блестяще продемонстрировал долго скрывавшуюся истину: разговорный французский вполне пригоден для написания — с начала до конца — целого романа, для выражения всех мыслей и чувств, связанных с осмыслением человеческого существования.

В своем романе Ф.Л. Селин дает персонажам яркие говорящие имена, и особенностью перевода, выполненного Ю. Корнеевым, является стремление использовать этот авторский прием,

* © Лиходкина И.А.

подобрать такие же яркие эквиваленты. Если бы он не трансформировал эти имена, не сделав их такими же говорящими и для русского читателя, то вряд ли можно было почувствовать ту иронию, а иногда и презрение, с которыми автор относится к некоторым из своих персонажей:

le général Pinçon – генерал Укуссон (pinçon (m) – синяк (от шипка));

le père Birouette – папаша Пируэт;

le général Tombat – генерал Гробо;

le professeur Bestombes – профессор Падегроб (tombe (f) – могила, надгробный камень);

le capitaine Frémizon – капитан Дрожан (frémir – дрожать) и т.п.

Кроме имен собственных, другой особенностью перевода можно считать стремление подобрать к французской разговорной/сниженной лексике, не менее яркие русские эквиваленты, например:

Celui que vous remplacez dans cette factorie, c'est **un beau salaud** notez-le... Entre nous... Je vous le dis... Il n'y a pas moyen qu'il nous renvoie ses comptes, ce **fumier**-là! Pas moyen! [9, 130]

Заметьте, тот кого вы сменили на фабрике, **изрядная сволочь**. Между нами говоря, конечно. Истребовать с этого **говноеда** отчеты просто невозможно. Ну никак! [5, 137]

Французские бранные слова переведены соответствующими русскими бранными словами.

То же самое можно сказать и про перевод другого примера:

“...Qu'il perde pas son temps en route ! Ah ! **la carne** ! Faudrait pas qu'il **crève** en route surtout !... Ça serait dommage! Bien dommage ! Ah ! **le beau fumier** !” [9, 131]

- ...Пусть не мешкает по дороге. Главное, чтобы он, **падаль**, не **загнулся** в пути. Это было бы очень досадно. Очень. Ах он **дерьмо вонючее**! [5, 138]

Французские просторечные слова “**la carne**”, “**crever**” и “**fumier**” переданы не менее яркими русскими просторечиями «**падаль**», «**загибаться**» (умирать, погибать) и «**дерьмо**».

Следующий отрывок интересен тем, что бранное слово “**sacré**” (чёртов, проклятый) приобретает дружескую ласкательную экспрессию:

- ...Est-ce qu'ils sentent toujours, vos pieds, Jean ? **Sacré** Voireuse va ! [9, 106] / - ... У вас все еще преют ноги, Жан, **чертушка** вы этакий? [5, 115]

Удачно был выполнен перевод следующего

отрывка:

Ça a débuté comme ça. Moi, j'avais jamais rien dit. Rien. C'est Arthur Ganate qui m'a fait parler. Arthur, un étudiant, un carabin lui aussi, un camarade. On se rencontre donc place Clichy. C'était après le déjeuner. Il veut me parler. Je l'écoute. «Restons pas dehors! qu'il dit. Rentrons!» Je rentre avec lui. Voilà. «Cette terrasse, qu'il commence, c'est pour les oeufs à la coque! Viens par ici!» [9, 7].

Началось это так. Я все помалкивал. Ни гугу. Это Артюр Ганат меня за язык потянул. Он тоже студент-медик, свой парень. Встречаемся мы, значит, на площади Клиши. Время – после завтрака. У него ко мне разговор. Ладно, слушаю.

- Чего на улице-то стоять? Зайдем.

Ну, зашли.

- Здесь на террасе только яйца варить, - заводится он. – Давай в кафе [5, 25].

Известно, что для синтаксиса как русской, так и французской разговорной речи характерны короткие предложения. Рассмотренный отрывок оригинала и перевода подтверждает это положение. Для отрывка французского текста характерно широкое использование разговорной лексики, которая здесь встречается не только в речи персонажей (“Restons pas dehors!”), но и в авторской речи (“Ça a débuté comme ça”). Специфические условия употребления разговорной лексики, отсутствие русского эквивалента, количественное и качественное несовпадение этой лексики во французском и русском языках, слабое ее отражение в двуязычных словарях – все это затрудняет понимание и усложняет перевод. Важно подчеркнуть, что переводчик является в определенной мере соавтором писателя, когда создает переводной текст. Эту роль он способен выполнять лишь тогда, когда он в совершенстве владеет не только языком оригинала, но и родным, в данном случае русским языком, когда, наконец, он в совершенстве владеет также переводческими умениями, навыками и знаниями. Отрывок “Moi, j'avais jamais rien dit. Rien. C'est Arthur Ganate qui m'a fait parler” не труден для понимания и эта его мнимая простота может привести неопытного переводчика к использованию в переводном тексте банальных, незапоминающихся форм. Выполненный Ю. Корнеевым перевод этого отрывка: «Я все помалкивал. Ни гугу. Это Артюр Ганат меня за язык потянул» является очень удачным примером мастерского решения переводческих проблем, образцом для подражания в процессе поиска креативных решений.

Следует отметить, что в рассмотренных примерах самое пристальное внимание уделяется лексике. Вместе с тем некоторые синтаксические обороты, характерные для французской разговорной речи, прежде всего просторечной, так и не нашли отражения в переводном тексте. Синтаксис романа Л.Ф. Селина в оригинале играет вполне определенную смыслообразующую роль и демонстрирует в целом ряде случаев особенности речевого поведения персонажей. В переводном тексте эти особенности синтаксиса часто исчезают. Дело в том, что изменение порядка слов и даже реприза и антиципация существительного в русском языке не рассматриваются как ошибка или небрежность и, следовательно, не могут использоваться в качестве характеристики манеры говорить действующего лица. Это хорошо видно из следующих примеров, заимствованных из оригинального и переводного текстов романа:

Depuis quatre semaines qu'elle durait, la guerre, on était devenus si fatigués, si malheureux que j'en avais perdu de ma peur... [9, 28]

C'est triste des gens qui se couchent, on voit bien qu'ils se foutent que les choses aillent comme elles veulent... [9, 199]

Parapine, ce qu'il a trouvé d'abord en me revoyant, c'est que j'avais pas bonne mine [9, 414]

За месяц войны мы так вымотались, что я от усталости даже трусить стал меньше... [5, 42]

Люди, ложающиеся спать, - грустное зрелище: видно, что им плевать на происходящее вокруг... [5, 202]

Увидев меня, Суходроков первым делом нашел, что выгляжу я неважно [5, 395].

К недостаткам перевода, кроме количественного несоответствия, можно отнести замену прямой речи исходного текста косвенной речью в переводе. Так, в целом ряде примеров прямая речь, характерная для разговорно-фамильярного и просторечного французского стиля, никак не отмечается в переводном тексте: "T'as aimé ça? qu'elle me demandait Caroline" [8, 54]. В книжно-письменном стиле это предложение надо было бы написать: "L'as-tu aimé? me demandait Caroline." В переводе на русский язык эти две фразы звучат примерно одинаково: «Тебе это понравилось?, – спросила меня Каролина. Также не переданы особенности синтаксиса и в следующих фразах:

Cette terrasse, qu'il commence, c'est pour les oeufs à la coque! [9, 7]

Здесь на террасе только яйца варить, – заводится он [5, 25].

Наверное, для того чтобы придать обороту qu'il commence признаки разговорного стиля, переводчик использует в переводном тексте более сниженное слово «заводится» вместо нейтрального «начинает» (commence).

Еще пример, в котором авторская речь оригинального текста в переводном отсутствует:

Bandes de charognes, c'est la guerre! qu'ils font [9, 9].

Падлы, война! [5, 27]

В следующем примере синтаксическая особенность французского текста не находит отражения в переводе:

Barousse vient d'être tué, mon colonel, qu'il dit tout d'un trait [9, 16].

Барусса убили, господин полковник, – выпалил он [5, 33].

Многие французские вульгарные просторечные дисфемизмы, которые встречаются на страницах романа (le con, le cul, etc.) вполне могут быть переведены соответствующими русскими дисфемизмами. Однако совпадение объемов значений подобной лексики вовсе не означает, что она одинаково используется в обоих языках. Об их эквивалентности мы можем говорить только в том смысле, что французские бранные, неприличные слова так же, как и их русские аналоги, очень часто касаются области секса и содержат народные названия половых органов. Если же говорить о различиях, то, как отмечает Л.А. Гаврилов, их – два. Во-первых, соответствующие французские бранные слова функционируют, как правило, в иных словосочетаниях, реализуют иные смыслы. Во-вторых, русские нецензурные слова, как правило, табуированы, в то время как французские – нет [1, 34].

Поэтому поиск эквивалента подобной лексики в русском языке представляет определенную трудность и надо быть очень осторожным при поиске соответствий с помощью словаря.

Например, определенные трудности представляет перевод слова "fumier" во фразе: "Il n'y a pas moyen qu'il nous renvoie ses comptes, ce **fumier-là!** Pas moyen!" [9, 130] Если перевести слово "fumier" со значением, которое оно имеет в словаре В.В. Потоцкой (навоз), то становится ясно, что его использование в переводном тексте весьма сомнительно. В «Словаре разговорной лексики французского языка» Е.Ф. Гриневой и Т.Н. Громовой предлагаются значения этого слова, которые вполне можно использовать в пере-

водном тексте (подонок, дерьмо). С целью более жесткой характеристики персонажа переводчик использует еще более грубое слово, чем словарное значение: «Истребовать с этого говнюда отчеты просто невозможно. Ну никак!» [5, 137] Сравнивая эту фразу из переводного текста с оригиналом, легко обнаружить, что действительно слово “*fumier*” в оригинальном тексте и его аналог в переводном функционируют в совершенно разных словосочетаниях.

Также заметна разница в употреблении дисфемизмов во французском и русском языках при сравнении следующего отрывка из оригинального и переводного текстов:

- **Merde!** fit la tante alors. J’vais te foutre une tourné de martinet si tu me répons! [9, 245]

- **Ах, ты говнюк!** – вспыхивает тетка – Будешь вякать – ремнем выхожу [5, 244].

“Merde!” и «Ах, ты говнюк!», если их рассматривать вне контекста, вообще неэквивалентны. Они действительно реализуют разные смыслы. Однако, взятые в соответствующих контекстах, они достаточно точно и полно соответствуют друг другу в двух языках.

Сравнивая французские и русские дисфемизмы, Л.А. Гаврилов отмечает, что среди тех и других легко обнаруживаются группы наиболее грубых слов и выражений. В русском языке к ним можно отнести матерные слова и выражения, а во французском – богохульства. Различия заключаются в том, что в русском языке табуируются матерные слова, а во французском – богохульства (*jurons blasphématoires*). Носитель французского языка старается избегать использовать в речи богохульные выражения. Их используют редко, предпочитая им иные пласты просторечной лексики. Например, выражение *Nom de Dieu!* считается богохульным и возможно даже шокирующим, поэтому его избегают: “*Je ne crois pas avoir proféré un juron depuis au moins quarante cinq ans. Mais je vais le faire: Nom de Dieu...*” [10, 227] Этот отрывок из романа П. Сюлитзера “*Роров*” можно перевести: “Я, кажется, не ругался вот уже сорок пять лет. Но теперь я это сделаю: Черт возьми!” Самым неудачным представляется перевод последнего предложения. Конечно, можно перевести “*Nom de Dieu*” приведенным в словаре выражением «Черт побери!» или «Черт возьми!» Вместе с тем важно иметь в виду, что «французское *Nom de Dieu* соответствует *Damn!*, *Hell!*, *Porto dio!*, *Herr Gott Sacrement!* etc.» [7, 126] и расценивается носителями языка как очень резкое и грубое ругательство и даже богохульство, которое совершен-

но не соответствует десемантизированным русским выражениям «Черт возьми» или «К черту». Русские выражения «безобидны» в силу того, что в русской языковой общности чертыхания отлично уживаются с обращением к Богу, выражениями типа «Ей-богу», «Разрази меня Бог» и т.д. Более того, по мнению Б.Тимофеева, подобные «чертыхания представляют собой лишь формы пристойной брани и ничего больше.» [6, 253]

В анализируемом романе Л.Ф. Селина мало богохульных слов и выражений, и они не очень бросаются в глаза. Не заметил их и переводчик. “*Nom de Dieu*” на странице 9 он перевел «черт побери», которое не несет стилистической нагрузки. Зато в переводном тексте много различных чертыханий: «чертова Вуареца», «чертушка», «ко всем чертям», «черт побери», «кретин чертов» и т.д. В большинстве случаев чертыхания замещают в переводном тексте именно неприличную лексику (*merde*, *charogne*, *s’en foutre*, etc.), что делает переводной текст более «приличным» по сравнению с оригиналом. Парадокс заключается в том, что роль эвфемизма в переводном (русском) тексте выполняет именно тот пласт лексики, который в исходном (французском) языке выполняют функции дисфемизмов и оцениваются носителями французского языка как богохульные, неприличные и оскорбительные выражения, которых следует избегать в речевом общении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гаврилов Л.А. К вопросу об асимметричности русских и французских дисфемизмов // Сборник статей № 29-30. – М.: ВКИ, 1993. – С. 29–40.
2. Гаврилов Л.А. Стилистика французского языка. – М.: Изд. ВУ, 2004. – 314 с.
3. Гринева Е.Ф., Громова Т.Н. Словарь разговорной лексики французского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 640 с.
4. Потоцкая В.В. Французско-русский словарь. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 672 с.
5. Селин Л.Ф. Путешествие на край ночи. Пер. с фр. Ю. Корнеева. – Харьков: «Фолин», 1999. – 496 с.
6. Тимофеев Б. Правильно ли мы говорим? – Л.: Лениздат, 1963. – 331 с.
7. Bauche H. Le langage populaire. – P.: Payot, 1951. – 281 p.
8. Céline L.F. Mort à crédit. – P.: Gallimard, 1985. – 622 p.
9. Céline L.-F. Voyage au bout de la nuit. – P.: Gallimard, 1952. – 505 p.
10. Sulitzer P. Popov. – P.: Gallimard, 1990. – 346 p.

I. Likhodkina

PROBLEM OF TRANSLATING FRENCH SYNTAX CONSTRUCTIONS CONTAINING IN-

FORMAL/VULGAR VOCABULARY (IN L.-F. CÉLINE'S NOVEL "JOURNEY TO THE END OF THE NIGHT") INTO RUSSIAN

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of translating the French informal/vulgar vocabulary into Russian in L.-F. Céline's novel "Journey to the End of the Night". The article presents

a detailed comparative analysis of the original text and its translation, reveals the difficulties associated with the asymmetry of the French and Russian syntax constructions and the problem of searching for a lexical equivalent.

Key words: informal/vulgar vocabulary, translation, equivalence, asymmetry.

УДК 81, 25

Олейник А.Ю.

О ВЗАИМОСВЯЗИ ПЕРЕВОДА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАК ВИДОВ ЯЗЫКОВОГО ПОСРЕДНИЧЕСТВА*

Аннотация. Настоящая статья посвящена проблематике взаимосвязи перевода и интерпретации. Автор дает краткую характеристику интерпретации, показывает мотивы и границы ее применения, проводит анализ ее основных фаз. На материале англо-русского перевода в работе представлены ситуации взаимодействия интерпретации и переводческих трансформаций в текстовом дискурсе.

Ключевые слова: перевод, интерпретация, дискурсивная форма текста, переводческие трансформации, репорождение исходного высказывания.

Изучение специализированной литературы, посвященной проблемным аспектам перевода, а также проведенный анализ большого корпуса примеров англо-русского и русско-английского перевода показали, что каждый переводчик в своей работе фиксирует для себя более или менее развитую систему закономерных межъязыковых соответствий. Однако, сколь бы ни была точной, подробной, развернутой такая система, перевод во многом остается явлением непредсказуемым. В ходе своей деятельности переводчик всякий раз сталкивается с чем-то новым, ранее не встречающимся. Особую трудность вызывают комплексные, множественные преобразования в масштабе высказывания, при которых иногда трудно или просто невозможно установить частные эквивалентные корреляции на уровне отдельных номинаций. Еще Я.И. Рецкер – один из основоположников отечественной науки о переводе, выделял такого рода масштабные переводческие приемы в особую группу, называя их целостными преобразованиями, куда

попадали: все случаи сложных конверсий, логические преобразования, различного рода компенсации [Рецкер Я.И. 1974, 51-68].

Причиной масштабных преобразований в переводе является широкий спектр не только выразительных, но и экстралингвистических расхождений между ИЯ и ПЯ. В литературе по актуальным проблемам теории и практики перевода достаточно часто отмечается тот факт, что именно экстралингвистические, а не лингвистические различия вступающих в переводческие контакты разноязычных общностей создают наибольшие трудности при переводе [Nord Ch. 1988, 87-95; Швейцер А.Д. 1988, 152-172; Иовенко В.А. 2005, 101-106]. К различиям экстралингвистического порядка относят: несоответствия в запасах фоновых знаний носителей ИЯ и ПЯ, связанные с традициями, обычаями и другими элементами культуры, включая культурные реалии, стереотипы речевого поведения, наличие культурных лакун и др.

Сталкиваясь с масштабными трудностями, переводчик неизбежно прибегает к **интерпретационным** методам передачи смыслового содержания ИТ. Понятно, что такой выбор является вынужденной мерой, поскольку применение частных переводческих трансформаций не приводит к желаемому результату. Некоторые исследователи разделяют точку зрения о том, что интерпретация представляет собой вид "языкового посредничества", который принципиально отличается от перевода [Jager G. 1975, 15-37; Kade O. 1980, 31-45; Крюков А.Н. 1988а, 38]. При интерпретации передача смыслового содержания текста оригинала осуществляется в более свободной видоизмененной форме. Употребляя интерпретирующие приемы, переводчик может

* © Олейник А.Ю.